

Пока они разговаривали, снизу донеслись звуки гонга. Тан Цзиньюй подошел к двери. Благодаря конструкции здания с внутренним двором, он мог с верхнего этажа видеть сцену внизу.

На сцене медленно появилась актриса, исполняющая женские роли. Фигура у нее была тонкая, каждое движение и улыбка дышали невероятным обаянием, походка была грациозной и чарующей. А когда она запела, длинные рукава закружились в танце, а шаги стали легкими и изящными — зрелище поистине великолепное.

— Это... Это ваш управляющий?! — не удержался от восклицания Юаньбао.

— Да. Хи-хи, почтенный гость, подождите немного, мой управляющий скоро придет, как поет.

Тан Цзиньюй тоже был поражен. Он помнил, как в тот день вместе с господином Суном пришел в лавку. В тот день народу было немного, и управляющий сидел за конторкой на первом этаже, листая бухгалтерские книги. Увидев их, он издали улыбнулся, кивнул в знак приветствия и снова опустил голову, продолжая работать. Господин Сун же, напротив, почтительно сложил руки и поклонился, проявив большое уважение. Рядом стоял какой-то человек из мира бродяг, который с энтузиазмом подошел к управляющему, чтобы завязать беседу, а они с господином Суном поднялись в уединенную комнату на третьем этаже.

Он помнил, что управляющий был человеком с приятной внешностью, скромным и воспитанным, настоящим джентльменом. Хотя он был привлекательным, но никак не до такой степени, чтобы быть столь соблазнительным. А на сцене сейчас был человек с чарующим взглядом, невероятно притягательный и очаровательный, захватывающий дух. Как это мог быть один и тот же человек?

Когда песня закончилась, человек на сцене грациозно поклонился, сделав традиционное приветствие, и сошел со сцены.

В лавке на мгновение воцарилась невероятная оживленность, казалось, что крыша вот-вот взлетит.

Тан Цзиньюй вернулся в уединенную комнату и, подождав совсем немного, услышал тихий стук в дверь. Юаньбао поспешил открыть. На пороге стоял мужчина с мягким выражением лица, одетый в тот же театральный костюм, но весь грим уже был смыт.

— Не смею заставлять важного гостя ждать. Я сразу же пришел, как только умылся.

Театральный костюм актрисы сочетался с его благородным и спокойным лицом, подобным драгоценному нефриту. Казалось бы, два противоположных образа, но они не создавали никакого диссонанса.

— Управляющий, вы слишком любезны. Пожалуйста, заходите.

Тан Цзиньюй встал.

Как только управляющий Сюй вошел, Юаньбао увел всех слуг, а официанты проводили их в уединенную комнату на третьем этаже для чаепития.

Управляющий повернулся, тихо закрыл дверь и, обернувшись, опустился на колени.

— Простой подданный приветствует наследного принца. Да живет он десять тысяч лет, да

будет жить еще десять тысяч лет.

— Пожалуйста, встаньте.

Тан Цзиньюй сразу же помог управляющему подняться.

— Управляющий, прошу, садитесь.

— Благодарю, ваше высочество.

— Как вы узнали, что я наследный принц?

— Характер господина Суна и тот человек из мира бродяг, которого он представил вашему высочеству, мне хорошо знакомы. Господин Сун — человек, который редко кого просит о помощи, но он приложил столько усилий, чтобы они указали вашему высочеству путь. Я не могу представить никого, кроме законного наследника трона, кто бы заслужил такое внимание.

Тан Цзиньюй прямо сказал:

— Управляющий, я слышал кое-что о вас и хотел бы попросить вас прояснить некоторые моменты.

— Ваше высочество, спрашивайте, что угодно. Я расскажу все без утайки.

— Почему вы отказались от звания чжуаньюаня?

— Ваше высочество всегда так прямолинеен с людьми?

В глазах управляющего мелькнула улыбка, и он, спрятав руку в широком рукаве театрального костюма, легонько прикоснулся пальцами к уголку рта. В этот момент благородный джентльмен исчез, и перед глазами Тан Цзиньюя возникло подобие духа, соблазняющего мир.

...

Тан Цзиньюй, глядя на внезапно изменившегося управляющего, почувствовал неловкость.

— Я, возможно, задал слишком резкий вопрос...

— Ничего страшного, ничего страшного.

Управляющий опустил руку, глядя на все еще юного наследного принца, и перестал шутить.

— Ваше высочество что-то слышал?

— Только то, что ваши заслуги затмили государя.

— Ой-ой, ваше высочество, в будущем, когда будете общаться с людьми, не раскрывайте свои карты так быстро.

Управляющий улыбнулся и продолжил:

— В речи оставляйте три части, в делах добавляйте три части, в мыслях опережайте на три части, а к людям относитесь с осторожностью на три части.

— Благодарю за наставление.

— Не за что. Что касается того, что мои заслуги затмили государя, это был всего лишь предлог, чтобы уйти из двора.

— Тогда почему вы не хотите служить при дворе?

— Если я скажу, что слишком люблю выступать на сцене, а на службе этого делать нельзя, поэтому я отказался, ваше высочество поверит?

— ... Нет.

Управляющий взял чашку чая со стола, сделал небольшой глоток и аккуратно поставил ее обратно.

— Ваше высочество действительно хотите знать?

Тан Цзиньюй кивнул.

— Все в этом мире подобно этому чаю: то опускается, то поднимается. Жизнь человека — это как дегустация чая: то подъем, то падение. Плавать по воле волн, не сопротивляясь, — вот что сложно. Поднять что-то легко, а вот отпустить — трудно. Я уже давно не тот человек, каким был раньше. Слава, великое дело, чтобы имя осталось в веках — все это я уже оставил позади. Поэтому я и не хочу служить при дворе.

Затем тон управляющего изменился, и он спросил:

— Ваше высочество знаете, почему я люблю играть на сцене?

Тан Цзиньюй покачал головой.

— Жизнь — это как театр, а театр — как жизнь. Когда спектакль заканчивается, все заканчивается. Но в жизни, даже когда жизнь заканчивается, остается слишком много незавершенных дел. Поэтому я люблю театр. В театре можно вольготно творить, что вздумается, а когда песня спета, люди расходятся.

Голос управляющего был спокойным, а темп речи неспешным, что заставляло слушать его с особым вниманием.

— Двор — это хорошо, но сейчас, хотя у меня и есть таланты, чтобы спасти весь мир, у меня нет сердца помогать людям. Кроме того, двор — это не место, где можно долго оставаться, даже если у тебя есть таланты. Партийные распри, борьба интересов — у меня просто нет сил на все это.

— Вот как.

— Ваше высочество хотите услышать историю?

— Слушаю со всем вниманием.

— Ваше высочество, возможно, потом пожалеете.

— Не пожалею.

— Хорошо. На самом деле, я не против того, чтобы спасти мир. Освоив гражданские и военные искусства, продавай их дому императора — именно так я и думал в те дни, но...

Управляющий опустил голову, его длинные пальцы легонько коснулись края чашки.

— Но в тот год, когда я сдавал экзамены, я приехал с моим лучшим другом. Он сдавал экзамены по боевым искусствам, а я — по литературе. Экзамены по литературе начинались на полмесяца раньше, поэтому он остался со мной в гостинице.

Выражение лица управляющего стало задумчивым, словно он погрузился в воспоминания.

— Я очень хорошо сдал экзамены по литературе, и еще до дворцового экзамена многие знатные семьи в столице хотели выдать за меня своих дочерей, по сути, желая привлечь меня в свою клику. Хотя я вежливо отказал, это все же вызвало недовольство некоторых людей. Более того, некоторые даже проявили интерес к моей внешности...

Управляющий поднял голову и чарующе улыбнулся Тан Цзиньюю.

Он продолжил:

— Я думал, что, став чжуаньюанем, смогу игнорировать этих наглецов, но оказалось, что стать чжуаньюанем не так-то просто.

— Вам мешали?

— Накануне дворцового экзамена я получил письмо, в котором говорилось, что если я не откажусь от звания чжуаньюаня, мой лучший друг погибнет.

Управляющий задумчиво посмотрел на чашку чая на столе.

Он немного помолчал и продолжил:

— В то время я был молод и самолюбив, считал, что зло не победит добро. Кроме того, мой друг был искусен в боевых искусствах, и я думал, что его не так-то легко схватить. Меня возмутила угроза, и в порыве гнева я решил сдать экзамен со всей силой. На дворцовом экзамене я превзошел всех и занял первое место. Я думал, что, когда император вызовет меня, я расскажу ему все и попрошу его вмешаться.

Тан Цзиньюй молча слушал, уже догадываясь, чем все закончилось.

— Но в тот раз, после дворцового экзамена, император оставил всех трех лучших кандидатов во дворце и не стал сразу вызывать их. В полдень он даже устроил обед. Я волновался и решил прорваться к императору, чтобы попросить аудиенции, думая, что даже если меня разрежут на куски, я должен прорваться в Зал Золотой Лилии. Но на пути туда кто-то вложил мне в руку окровавленный нефритовый амулет...

Управляющий горько усмехнулся.

— Этот амулет был личной вещью моего друга. В тот год, в праздник Фонарей, после просмотра спектакля, мы возвращались домой, и он сказал, что предатели и враги страны И на сцене отвратительны, и однажды он обязательно отправится на поле битвы, а я буду мудрым министром при дворе, чтобы обеспечить его тыл. Каждый год он будет возвращаться с армией-победительницей, а я буду встречать его у ворот столицы. Позже я попросил освященный

амулет и дал ему этот нефритовый амулет для защиты.

Лицо управляющего уже не было таким ярким, как раньше. Оно стало печальным и меланхоличным, словно цветы в зеркале или луна в воде — стоило прикоснуться, и они бы разбились.

Он вздохнул и продолжил:

— Тогда я был в ужасе и вынужден был попросить императора об отставке, в отчаянии сказав, что мои заслуги затмили государя, думая, что даже если умру, это не страшно. Но по стечению обстоятельств это спасло мне жизнь.

— А ваш друг...

— После того, как я вышел из дворца, благодаря помощи друзей из мира бродяг, я нашел пристанище. Его тело было найдено только через год. Те люди не сдержали свое слово. Его держали в плену целый год, и в конце концов он покончил с собой.

Глаза управляющего были полны печали, когда он смотрел на Тан Цзинъюя.

— Десять лет упорной учебы не смогли противостоять политическим интригам. Я был полон горячего желания служить своей стране, но кто бы мог подумать...

— Осмелюсь спросить ваше высочество, может ли нынешний двор восстановить справедливость в моем деле?

<http://bllate.org/book/16654/1525899>